

ков» все же дошли до нас. Необходимо, однако, заметить, что рассматривая их, следует принимать во внимание, что сделаны эти заявления были в особых обстоятельствах и много лет спустя после выпуска из семинарии. Так, 27 мая 1959 г. бывший семинарист Исидор Яковлевич Незнайко записал аудиописьмо, обращенное к потомкам. Только один раз голос старого казака, звучащий все время бодро и даже несколько пафосно, срывается на рыдания – когда он вспоминает учебу в Токийской семинарии: «...Тут тоже было для меня нелегко... И даже скажу очень и очень тяжело! Оторванному от родины и от родителей... Но я... крепился и пережил все трудности».

Много раньше, в 1923 г., заполняя документы для советской военной разведки, однокашник Незнайко, Василий Сергеевич Ощепков, высказался еще более откровенно: «Я истинный русский патриот, воспитанный хотя и не в русской школе. Но эта школа научила меня любить прежде всего свой народ и Россию»¹⁷.

Так или иначе конфликт между русскими японскими учениками в Токийской православной семинарии имел место. Он был мастерски и совершенно справедливо улажен наставником миссии – архиепископом Николаем Японским, но последствия этого события, выразившиеся в написании сразу нескольких статей в различных российских изданиях, обогатили нас бесценными сведениями о жизни и быте наших соотечественников и предшественников – первых русских японоведов, получивших свои знания Японии в стране изучения.

¹⁷ Цит. по Лукашеву М. Н. «Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской...», М., 2003. С. 18.

Поэтическая карьера Камо-но Тёмэй

М. В. Торопыгина

Статья посвящена поэтическому творчеству известного литератора конца эпохи Хэйан – начала эпохи Камакура Камо-но Тёмэй (1155–1216). Начав участвовать в официальных поэтических турнирах в 1175 году, Камо-но Тёмэй в начале XIII века был приглашен стать членом Вакадокоро (Ведомства поэзии), которое начало подготовку к созданию императорской поэтической антологии «Синкокинсю». Статья основана на поэзии Камо-но Тёмэй и его поэтологическом трактате «Мумёсё».

Ключевые слова: Камо-но Тёмэй, «Мумёсё», поэзия, поэтический турнир, ранг, «Синкокинсю», императорская антология.

В прошлом, 2012 году, в Японии отмечалось 800-летие создания одного из самых знаменитых памятников средневековой литературы – «Записок из кельи» («Ходзёки») Камо-но Тёмэй (1155–1216). Это произведение переведено на множество языков, его знают далеко за пределами Японии. На русский язык «Ходзёки» переведены Н.И.Конрадом, в самом начале 20-х годов XX века. В «Ходзёки» Камо-но Тёмэй ничего не пишет о поэзии. Однако поэзия была предметом его размышлений. Приблизительно в то же время, что и «Ходзёки», им было написано еще одно сочинение – «Мумёсё» («Записки без названия»), полностью посвященное поэзии. Это сочинение содержит как теоретические положения, касающиеся японской поэзии, так и сведения по истории поэзии, поэтические легенды, истории о поэтах-современниках Тёмэй. Немало в «Мумёсё» и сведений о самом авторе, Тёмэй рассказывает, какие советы давали ему учителя, в каких турнирах он участвовал, какие стихи готовил для этих турниров.

Если творчество Камо-но Тёмэй привлекает исследователей (а вслед за ними и читателей) в первую очередь записками «Ходзёки», то когда пишут о его жизни, больше всего внимания уделяют его уходу в монахи и отшельнической жизни. Уход в монашество был для средневекового общества делом совершенно обычным (достаточно вспомнить, сколь многих средневековых поэтов мы знаем по их монашеским именам), однако Камо-но Тёмэй привлек внимание современников: он стал монахом, когда его придворная карьера была на взлете, его уход был обставлен театрально, Тёмэй стал вести затворнический образ жизни, что было совершенно не обязательно, многие монахи продолжали участвовать в

жизни светского общества. Вся жизнь Камо-но Тёмэй до ухода в монахи была посвящена двум искусствам – поэзии и музыке. Эта статья посвящена поэтической жизни Камо-но Тёмэй, жизни «профессионального» поэта рубежа эпох Хэйан (IX–XII вв.) и Камакура (XIII в.). Основными источниками для ее написания служат стихотворения (*вака* – японские песни) Камо-но Тёмэй¹ и сочинение «Мумёсё»².

Годом рождения Камо-но Тёмэй считается 1155-й³. Отец Камо-но Тёмэй – Камо-но Нагацугу (1139–1172?), был жрецом в святилище Камо-миоя дзиндзя, больше известном как Нижнее святилище Камо. Находится это святилище в месте слияния реки Камо, текущей с гор Китаяма, и реки Такано, текущей из Охара. Божествами святилища являются Камо Такэцунуми-но микото и Тамаёрихимэ. Эти божества – родители бога, которому поклоняются в Верхнем святилище Камо, Вакэ-икадзуги. В середине четвертой луны в двух святилищах Камо проводится один из самых известных синтоистских праздников (сейчас этот праздник проводится в мае) – Аои мацури, он описан Мурасаки Сикибу в 9-й главе «Гэндзи моногатари» («Аои»). Атрибуты этого праздника – веточки сакаки (клееры), мальвы и багряника станут образами стихотворений Камо-но Тёмэй. Недалеко от Нижнего святилища Камо расположено святилище Каваи, относящееся к нему. Дорога, соединяющая святилища, проходит по живописному лесу – Тадасу-мори.

Тёмэй (его имя можно прочесть Нагаакира) был вторым сыном в семье, старшего брата звали Нагамори. О нем почти ничего не известно. В «Мумёсё» упоминается человек по имени Нагамори, исследователи считают, что речь идет как раз о старшем брате Тёмэй. Оба сына родились, когда отцу не было и двадцати. Об их матери никаких сведений не сохранилось.

¹ Стихотворения цитируются и переводятся по изданиям: Кобаяси Кадзухико. Камо-но Тёмэй то Дзякурэн. Токио: Касама сёин, 2012; Синкокинвакасю / Комментарий. Минэмура Фумито // Нихон котэн бунгаку дзэнсю 26. Токио: Иванами сётэн, 1974.

² Для перевода «Мумёсё» использованы издания: Камо-но Тёмэй. Мумёсё / Под ред. Хисамацу Сэнъити и Нисио Минору // Каронсю. Ногаку ронсю. Нихон котэн бунгаку тайкэй 65. Токио: Иванами сётэн, 1969, с. 35–98; Мумёсё / Комментарий. Такахаси Кадзухико. Токио: Офуся, 1975. Перевод трактата на английский язык и статью о памятнике см.: Hilda Kato. The Mumy-osho of Kamo no Chomei and Its Significance in Japanese Literature // Monumenta Nipponica. Vol. 23, № 3 / 4 (1968), pp. 321–430.

³ Многие факты биографии Камо-но Тёмэй остаются неизвестными или спорными, в том числе и год рождения, в ряде изданий можно встретить другую дату. В изложении биографии я опираюсь в первую очередь на книгу Мики Сумито «Камо-но Тёмэй: канкё-но хито» («Камо-но Тёмэй: живущий в уединении»). Токио: Синтэнся, 1984, Нихон-но сакка, 17). Также использовано ставшее «классическим» исследование жизни и творчества Тёмэй филолога Янаэ Кадзуо «Камо-но Тёмэй-но синкэнкю» («Новое исследование Камо-но Тёмэй»). Токио: Тюбункан, 1938). На английском языке наиболее подробно биография Камо-но Тёмэй изложена в книге Pandey, Rajyashree «Writing and Renunciation in Medieval Japan: The Works of the Poet-Priest Kamo no Chomei». Ann Arbor, Mich.: Center for Japanese Studies, University of Michigan, 1998.

Нижнее святилище Камо неоднократно посещали императоры. Так, в 1155 году святилище посетил император Коноэ (годы правления 1142–1155). В это время отец Тёмэй уже служил главным жрецом, однако, по какой-то причине, скорее всего по болезни, не присутствовал на церемонии. Об этом посещении есть сведения в дневнике Фудзивара-но Ёринага (1120–1156) «Тайки». В тот раз вместо него служил главный жрец святилища Каваи. В связи с отсутствием Нагацугу на церемонии он не получил тогда повышения.

Следующий визит императора в святилище состоялся в 1160 г. На престоле находился император Нидзё (годы правления 1158–1165). Фудзивара-но Тадатика (1132–1195) описывает это событие в своем дневнике «Санкайки». Нагацугу отвечал за церемониальные танцы. После высочайшего посещения Нагацугу был повышен в ранге, получил четвертый ранг нижней ступени. Вскоре отличие, которое получил отец, сказалось и на его сыновьях. Тёмэй получил пятый придворный ранг нижней ступени в следующем году, в семилетнем возрасте. Это давало ему материальную поддержку и открывало путь к придворной карьере. Благоволила к мальчику вторая жена императора (*тыгу*) Сюси Найсинно (позже известная как Такамацу-ин, 1141–1176).

Последнее упоминание отца Тёмэй как главного жреца святилища относится к 1169 г., это запись, сделанная в дневнике «Хёханки» Тайра-но Нобунори (1112–1187). Видимо, причиной ухода Нагацугу с поста и его ранней смерти была болезнь. После смерти Нагацугу его сыновья не получили должностей в святилище. Должности в святилищах Камо-миоя дзиндзя и Каваи дзиндзя перешли к сыновьям старшего двоюродного брата Нагацугу, к другой ветви семьи Камо.

В это время Тёмэй написал свои первые стихи, которые позже включил в свой сборник («Камо-но Тёмэй сю» – «Собрание Камо-но Тёмэй»). В следующих строгому канону японских стихотворений не всегда легко уловить искреннее чувство, но в ранних произведениях Камо-но Тёмэй, написанных юношей, потерявшим отца, ясно слышится тоска, неуверенность, смятение. Он вспоминает, как вместе с отцом они любовались цветами и грустили о мимолетности их цветения, но отца уже нет в этом мире, так не лучше ли последовать вслед за ним...

春しあれば今年も花は咲きにけり散るを惜しみしひとはいづらは
хару сиярэба / котоси мо хана ва / сакиникэри / тиру-о осимиси /
хито ва идзура ва

Весна –
Значит, и в этом году распустились
Цветы.
С кем горевал, что они опадают,
Где он сейчас?
(«Камо-но Тёмэй сю», 7)

住みわびぬいざさは越えむ死出の山さてだに親の跡をふむべく
сумивабину / идзаса ва коэму / сидэ-но яма / сатэ дани оя-но / ато-о
фумубэку

Печальна жизнь.
Так может, перейти
За горы мертвых?
Ведь тогда я за отцом
След в след идти смогу.
(«Камо-но Тёмэй сю», 99)

Камо-но Тёмэй потерял отца и не имел службы, но проявлял склонность к поэзии и музыке. Для такого молодого человека карьера «профессионального» поэта и музыканта могла стать делом жизни. Именно такой, музыкально-поэтической, жизнью и стал жить Камо-но Тёмэй.

В то время, когда Камо-но Тёмэй вступал на творческую стезю, поэтическую ситуацию при хэйанском дворе определяли две основные поэтические школы, находящиеся в постоянном противоборстве: Цутимикадо / Рокудзё и Кудзё / Микохидари.

Основателем школы Рокудзё был Фудзивара-но Акисуэ (1055–1123). Акисуэ обладал копией портрета Хитомаро, поэта, которого Ки-но Цураюки назвал выдающимся в своем Предисловии к «Кокинсю». Акисуэ начал поклоняться Хитомаро как божеству поэзии. В 1118 г. в его доме был проведен поэтический вечер, который положил начало поэтическим собраниям *эйгу*, в ритуал которых входило поднесение даров изображению великого поэта-божества. Во второй половине XII в. такие вечера были популярны, в них участвовали уже не только представители школы Рокудзё, Камо-но Тёмэй упоминает такие встречи в «Мумёсё».

Знаменитыми поэтами, относящимися к поэтической школе Рокудзё, были сын Акисуэ Акисукэ (1089–1155), сын Акисукэ Киёсукэ (1104–1177), приемный сын Акисукэ монах Кэнсё (1129? – 1209?).

Основателем школы Микохидари был Фудзивара-но Тосинари (Сюндзэй, 1114–1204). Тосинари прожил очень долгую жизнь, и успел стать непререкаемым авторитетом в поэзии. Тосинари очень много сделал для создания своей школы, он брал в свой дом, делая своими приемными детьми, имевших талант детей своих братьев и дальних родственников, покровительствовал подающим надежды поэтам. Наверное, самым знаменитым представителем школы, созданной Тосинари, можно считать его сына Садаиэ (Тэйка, 1162–1241). Знаменитая поэтесса, известная под именем Дочь Тосинари (1171?–1251?), – по рождению приходится Тосинари внучкой. Приемным сыном Тосинари был его племянник, знаменитый поэт-монах Дзякурэн (?–1202).

Обо всех этих поэтах Тёмэй напишет в «Мумёсё».

Школа Рокудзё была хранителем традиции, школа Микохидари – новаторской, провозглашавшей новый стиль в поэзии, стиль *югэн*.

Описывая это поэтическое противостояние в «Мумёсё» Камо-но Тёмэй писал:

«Один человек задал вопрос⁴: “Сочиняемые в последнее время песни делят на два направления. Люди, которые защищают стиль среднего периода, считают современные песни несообразными, часто их ругают и насмехаются над ними, давая прозвище “школа Дарумы”⁵. В то же время люди, которые любят современный стиль, не выносят стиль среднего периода, говоря о нем так: “Близко к грубости и посмотреть не на что”. Это вроде религиозных дебатов, решить ничего нельзя”».

В этом отрывке под «школой Дарумы» подразумеваются поэты школы Микохидари, соответственно «близки к грубости» поэты школы Рокудзё. Однако Камо-но Тёмэй, который не принадлежал ни к одной из этих школ, в своих суждениях очень взвешен – не важно, к какой школе относится поэт, судить стихи следует только по стихам.

«Однако на самом деле цель одна и та же: мастерство и прекрасные песни, – здесь противоречия у двух сторон нет», – вот его мнение.

Главным вопросом, волновавшим близких ко двору поэтических соперников, был – кто станет составителем следующей императорской антологии. Только включение произведений в императорскую антологию давало поэту настоящую славу и признание в веках⁶. В зависимости от того, кто будет составителем антологии, будут отбираться и поэты-участники.

К этому следует добавить, что противостояние поэтических школ было замешано отнюдь не только на поэзии, но и на политике. За школами стояли определенные ветви могущественных Фудзивара, сменявшие друг друга на важнейших государственных постах. Так что поэту следовало разбираться и в поэтической, и в политической ситуации. Без советчика это очень сложно. Ни раз и ни два в «Мумёсё» Камо-но Тёмэй говорит, как важно не полагаться только на свое мнение, но слушать мнение других, спрашивать совета, – только так можно избежать ошибок.

Стать участником императорской поэтической антологии – определенный итог поэтической жизни, сама же жизнь заключалась в первую

⁴ Отрывок текста, из которого взята цитата, строится по структуре *мондо* – диалога, вопросов и ответов. Такую структуру часто имеют религиозные тексты.

⁵ Школа Дарумы в этом контексте означает «бессмыслицу», «чепуху».

⁶ До времени рождения Камо-но Тёмэй было составлено шесть императорских антологий: «Кокинсю» («Кокин вакасю» – «Собрание старых и новых японских песен», 905); «Госэнсю» («Госэн вакасю» – «Второе собрание японских песен», 951); «Сюисю» («Сюи вакасю» – «Изборник», 1005); «Госюисю» («Госюи вакасю» – «Второй изборник»); «Кинъёсю» («Кинъё вакасю» – «Собрание золотых листьев японских песен», 1086); «Сикасю» («Сика вакасю» – «Собрание слов-цветов», 1151).

очередь в участии в поэтических турнирах и поэтических собраниях. Именно участие в поэтическом турнире, проводимом членом императорской семьи или высшим сановником, вводило сочинителя в поэтическую элиту.

Поэтические турниры проводили императоры и ушедшие с престола императоры, члены императорской семьи, высшие сановники, настоятели буддийских храмов и жрецы синтоистских святилищ, губернаторы провинций и т. д. и т. д. Естественно, чем выше был статус устроителя турнира, тем выше был и статус турнира. Все поэтические турниры имели определенные правила: в турнире участвовали две команды – «правые» и «левые». Сравнивались два стихотворения, одно от команды правых, одно от команды левых, в каждой такой паре стихотворений выбиралось победившее, стихотворения могли также быть признаны равными. Сравниваемые стихотворения сочинялись на одну и ту же тему, что и давало возможность судить – какое лучше. Стихотворения на турнире читал специально назначенный чтец (стать чтецом было честью для поэта), также были люди, которые записывали, что происходит на турнире, какие мнения высказываются.

За самыми общими для всех поэтических турниров правилами идут самые разные вариации.

Турнир мог быть чисто поэтическим или комбинированным, например, могли сравниваться не только песни, но еще цветы, осенние листья, картины, каллиграфия, что угодно. Темы для сочинения выбирались в соответствии с предметом сравнения.

Темы могли быть даны загодя, тогда и стихотворения участники сочиняли заранее, если же темы давались в день турнира, тогда в ход шли поэтические экспромты.

Решение о том, какое стихотворение лучше, принимал судья. Быть судьей на поэтическом турнире высоко статуса было чрезвычайно почетно. Турнир мог судить один человек, однако могло быть двое или несколько судей или же присутствующие могли судить стихотворения коллегиально. Судья (или судьи) могли одновременно быть и участниками турнира, так что подчас приходилось судить свои собственные сочинения.

Имя сочинителя обычно называлось перед прочтением стихотворения, однако бывали случаи, когда имена авторов были скрыты. Камо-но Тёмэй пишет по этому поводу, что для судей неудобно как не догадываться, кто автор сочинения, так и точно знать имена. В первом случае можно попасть впросак, во втором приходится учитывать положение автора. Лучше всего, как пишет Тёмэй, догадываться, кто автор.

«В целом, когда критикуют песню, даже если имя автора скрыто, если вовсе не догадываться, кто это, можно попасть впросак. Но и когда имя известно, это может стеснять. Во многих случаях

поражение будет формальным. А вот если, будто бы не знаешь, но на самом деле все же догадываешься, это лучше всего».

Размах турнира – количество участников и раундов – также значительно варьировалось. Самыми грандиозными турнирами, которые прошли при жизни Камо-но Тёмэй (правда, Тёмэй в этих турнирах не участвовал) были турниры Роппякубан утаавасэ (Поэтический турнир в 600 раундов, состоялся в 1192 г.) и Сэнгохякубан утаавасэ (Поэтический турнир в 1500 раундов, состоялся в 1201 г.).

Были и другие необычные турниры. Проводились турниры, где сравнивались между собой написанные на одну тему японские песни и китайские стихотворения. Устроители могли подобрать интересный для них состав участников: представители одной поэтической школы против другой, молодые против маститых поэтов и т. д. Поэты могли не собираться на турнир, а представить стихотворения, которые записывались по два и отдавались судьбе. Бывали и турниры выдуманные, когда поэт записывал свои собственные стихи, как выступление двух команд.

Выход Камо-но Тёмэй на «официальную» поэтическую арену относится к 1175 году, когда он участвовал в турнире, проводившемся во дворце императрицы-монахини Такамацу-ин. Подготовка к поэтическому турниру, особенно к турниру статусному, была серьезным делом, тем более для молодого поэта. Турнир, в котором участвовал Тёмэй, называется Хризантемовым. В таком турнире должны были сравнивать хризантемы и читать стихи о хризантемах. Однако в том стихотворении, которое Тёмэй показал поэту Сёмэй (Сёмё, 1112–1187), речь не шла о хризантемах. Сёмэй был близким другом отца Тёмэй. Возможно, их связывали родственные отношения. Мики Сумито высказывает версию о том, что Сёмэй приходился дедом Тёмэй. Сёмэй принадлежал к школе Рокудзё, но он не был поэтом придворного круга и, соответственно, не мог ввести туда Тёмэй. Сёмэй помог Тёмэй избежать ошибки, которая могла бы принести ему дурную славу.

«Что до песни, предназначенной для официального турнира, нужно обязательно её кому-нибудь показать. Полагаясь только на себя, можно совершить ошибку. Я, когда-то давным-давно, когда проводился так называемый Турнир хризантем в Северных покоях экс-императрицы Такамацу, сочинил стихотворение:

堰きかぬる涙の川の瀬を早みくづれにけりな人目づつみは
эки кануру / намида-но кава-но / сэ-о хаями / кудзурэ никэрина /
хитомэдзүцуми ва

Задержанный плотиной,
Слёз реки
Стремительный поток
Ее разрушил...
Не скрыться мне от глаз людских.

Тогда я еще не был привычен сочинять песни к официальным турнирам, и когда показал Сёмэй Ньюдо, тот сказал: «Эта песня содержит большую ошибку. Когда умирают император или императрица употребляют знак 崩 (*бодзу, кудзу*). Этот иероглиф читается *кудзуру*. Как же можно употреблять это слово в песне, которую прочтут во дворце императрицы!?». Когда он так сказал, кончилось тем, что я взял другую песню. Вскоре после этого императрица скончалась. Если бы я прочел эту песню, возможно, стали бы говорить, что это было предзнаменование».

Из другого отрывка «Мумёсё» ясно, что Сёмэй давал молодому человеку разные советы, не только чисто поэтические, но и вполне житейские.

«Сёмэй сказал:

В соответствующих местах, часто случается, что ветренная придворная дама может прочесть вам стихотворение, которое приводит в замешательство. Тут есть традиционные способы поведения. Прежде всего, несколько раз переспросить, вроде, что-то не дослышали, и поэтому не поняли. Если так сделать, после этого она, возможно, застесняется, и точнее выразаться не станет. Если, пока это продолжалось, вы придумали ответ, прочтите его. Если вам ответить нечем, то так и оставьте, что не поняли. Это одно. Еще бывает, что имеющая мало обязанностей по службе дама, со всем своим очарованием, прочтет вам строку или две неизвестной песни, это называется «разыграть»⁷. Если вы знаете песню, нужно продолжить. Либо следует сказать что-нибудь вроде: «Наверное, не это имелось в виду». Это подойдет в любом случае. И если она действительно влюблена в вас, и если у нее на душе тоска и горечь, это все равно сгодится. Если же она хотела высказать свое неудовольствие, это должно ее успокоить и все дело превратить в легкую шутку».

Накахара Ариясу (?–1194?) учил Тёмэй музыке, и, находя его талантливим музыкантом, видимо, хотел видеть в нем своего преемника. Ариясу был и поэтом, а еще – искусственным царедворцем. Его советы – советы человека, понимающего толк в придворной жизни. Видимо, в какой-то мере Тёмэй сумел воспользоваться советами Ариясу.

«Ни в коем случае не стоит становиться профессиональным поэтом. Поэзия, это Путь, о котором следует много знать. Человек вроде меня, кто уже достиг определенного положения, как бы себя ни проявил, от этого его положение не пошатнется. Но вы-то хоть и родились в старинной семье, но рано остались сиротой. Вам не на кого положиться, и вот о чем следует подумать – нужно стараться сделать карьеру. Однако раз уж вы так подхо-

дите для поэтического Пути, тут и там вас всенепременно станут приглашать на поэтические собрания. Если вы сочините хорошие стихотворения, это составит вам честь, и должно будет принести славу. Пусть и так, но если ходить везде без разбора, пытаясь всем угодить, и дать людям к вам привыкнуть, то хотя и станете хорошо известны на Пути поэзии, но обязательно возникнут сложности с дальнейшей карьерой. Для человека вроде вас, не слишком известного людям, хорошо, если там, куда он направляется, с волнением спрашивают: «Кто это?». Тогда, раз это дело вам нравится, если станете выдающимся на этом Пути, то, как говорится, шила в мешке не утаишь, о вас узнают, и вы обязательно станете участником собраний в подобающем месте, наверняка появится и возможность оказаться среди придворных и аристократов. Вот это и будет продвижением по Пути. А тут и там становиться в ряд с простыми людьми, быть им известным, зачем это? Пусть в сердце вам кажется, что где-то будет интересно и хорошо бы участвовать, обязательно выбирайте места и ведите себя с достоинством, вот как следует поступать».

Так он меня наставлял. Сейчас я думаю, что он оказывал мне великое благодеяние. Наставлять в таких непростых вещах, даже пусть и собственного сына, пока тот не постиг мастерства, не станешь. То, что он так откровенно меня поучал, было не иначе как из-за того, что он думал, что я стану его преемником на Пути музыки, поэтому желал показать, что таких, как я, в мире мало. Спокойно размышляя об этом, понимаю, что это очень трогательно».

Начав участвовать в поэтических турнирах, Тёмэй делает еще один важный шаг в поэзии: составляет сборник своих стихотворений. Сборник был составлен в 1181 году. Считается, что на решение Камо-но Тёмэй составить сборник своих стихотворений повлиял главный жрец Верхнего святилища Камо Сигэясу (1119–1191), известный поэт, нередко проводивший поэтические встречи и турниры, как в святилище, так и у себя в доме. Камо-но Сигэясу известен как составитель антологии «Цукимодэсю» («Собрание ежемесячных паломничеств», 1182), в этот сборник он включил четыре песни Камо-но Тёмэй. В состав своего сборника Тёмэй включил 105 песен (варианты содержат 104 и 106 произведений).

行く水に雲みの雁のかげみれば数かきとむる心地こそすれ
ику мидзу-ни / кумои-но каре-но / кагэ мирэба / кадзу каки томур /
комоти косо сурэ

Когда в воде бегущей
Заоблачных гусей

⁷ Словом «разыграть» здесь переведено *созгото*.

Я вижу отраженья,
Мне чудится:
Всё будто неподвижно.

Кадзу каки томуру –
(«Камо-но Тёмэй сю», 82)

ほととぎす鳴くひと声や榊とる枝にとまらぬ手向けなるらむ
*хототогису / наку хитокоэ я / сакаки тору / эда-ни томарану / та-
мукэ нарураму*

Кукушки
Одинокий голос
Сакаки ветка,
Что несущ, не сохранит,
Но это тоже – подношенье.
(«Камо-но Тёмэй сю», 15)

Самым важным наставником Тёмэй в поэзии, его Учителем, с которым Тёмэй обменялся клятвой учителя и ученика, был поэт Сюньэ (1113–1190). Многие отрывки «Мумёсё» передают слова Сюньэ. Приводит Камо-но Тёмэй и первые наставления Учителя.

«Первые слова Сюньэ, когда мы с ним вступили в отношения учителя и ученика на стезе поэзии были такими:

“Поэзия прежде всего основывается на старых традициях. Если вы хотите, чтобы я был вам настоящим учителем, вы должны разделять это мнение. Я говорю это оттого, что вы заключаете со мной клятву, наверняка желая в будущем стать авторитетом в поэзии. Но никогда, никогда, пусть вы уже достигнете определенного признания, не сочиняйте песен только по своему разумению, считая, что понимаете все. Ни в коем случае так не делайте. Министр Готокудайди [Фудзивара-но Санэсада]⁸, хотя и имел выдающиеся способности, но не уважал традицию и теперь сочиняет, как второстепенный поэт. Если бы он сочинял как в те времена, когда еще был Первым советником, следовал Пути, уважал публику, отделял песни до совершенства, то теперь мало кто мог бы встать с ним в один ряд. Но он думает: “Я достиг всего!” – и в песни, которые он теперь сочиняет, он не вкладывает никаких мыслей, а когда без всякого чувства берешь и перемешиваешь слова, откуда же появится прекрасное стихотворение?! А если превосходных сочинений нет, то он никому не нужен. Во время поэтического собрания песня, в зависимости от того, как ее про-

чили, может прозвучать хорошо или плохо, однако будущее за теми песнями, которые сохраняют выразительность и прелесть формы, когда на следующее утро еще раз спокойно их пересматриваешь. Возможно, вам будет странно слышать такой пример, но я, Сюньэ, и теперь сочиняю песни с чувством, что это в первый раз. И еще: я ставлю на второе место свое мнение, а слушаю людскую хвалу и хулу, даже когда они кажутся мне сомнительными. Так учили люди в старину. Из того, что я держусь этого, вот что выходит: даже несмотря на то, что я уже старик, никто не скажет, что Сюньэ “не может сочинять”. Причина этого ни в чем другом, как в том, что я не сбивался с пути традиции».

Сюньэ был сыном знаменитого поэта Минамото-но Тосиёри (1060–1129). В свое время соперничество Тосиёри с другим известным поэтом – Фудзивара-но Мототоси (1060–1142) определяло поэтическую ситуацию. История взаимоотношений этих двух поэтов описана в «Мумёсё» полнее, чем в любом другом средневековом сочинении⁹. В детстве Тосиёри занимался с сыном поэзией и уже в очень юном возрасте Сюньэ вышел на поэтическую арену. Однако вскоре после смерти отца Сюньэ стал монахом и вернулся к сочинительству только в зрелом возрасте.

Сюньэ жил в поместье на берегу реки Сиракава, который назывался «Кариньэн» («Сад поэзии»), там собирались поэты, проводились поэтические турниры. Вокруг Сюньэ сформировался довольно многочисленный круг поэтов, в который вошел и Камо-но Тёмэй.

Сюньэ не примкнул ни в школе Рокудзё, ни в школе Микохидари. В поэтических встречах у Сюньэ участвовали многие поэты, среди них Минамото-но Ёримаса (1104–1180), Фудзивара-но Таканобу (1142–1205), Камо-но Сигэясу, Нидзёин-но Сануки (1141–1217), Имфумоньин-но Тайфу (1130–1200).

В соперничавшей паре поэтов Тосиёри-Мототоси Тосиёри был «новатором», а Мототоси – «консерватором». Однако сын Тосиёри Сюньэ был приверженцем традиции, а вот Мототоси, уже в преклонном возрасте, стал учителем Тосинари, создателя «новаторской» поэтической школы.

Поэты, входившие в «Кариньэн», старались быть в стороне от поэтической борьбы, сохраняли нейтралитет и дружбу с представителями противоборствующих поэтических школ.

Если о поэзии Камо-но Тёмэй известно по таким вехам, как участие в поэтических турнирах или составление сборника, то какова была его частная жизнь известно очень мало. Вскоре после смерти отца Тёмэй

⁸ Фудзивара-но Санэсада (1139–1191), известен также как Готокудайди и Готокудайди, был придворным высокого ранга, занимал должность Левого министра. Был известным поэтом и музыкантом. 73 песни этого автора помещены в императорские антологии.

⁹ См. М. В. Торопыгина. Поэтическая карьера Фудзивара-но Мототоси. / Проблемы литератур Дальнего Востока. Материалы V Международной научной конференции. СПб. 27 июня – 1 июля 2012 г. – СПб, Издательство С.-Петербургского университета, 2012, т.3, с.401–412.

оставил прежнее жилище и переехал в дом, который унаследовал от бабушки. Мики Сумито считает, что, возможно, в этот период у него была семья. Однако сам Тёмэй пишет в «Ходзёки»: «С самого начала я не имел ни жены, ни детей, так что не было таких близких мне людей, которых тяжело было бы покинуть»¹⁰.

Видимо, в 1186 году (дата остается под вопросом, ученые колеблются между 1186 и 1190 годами) Тёмэй совершил путешествие в Исэ. Янасэ Кадзуо связывает путешествие с музыкальными занятиями Камо-но Тёмэй. Спутником Тёмэй был его друг, поэт Сёсин (?-1191). Известно, что Тёмэй писал об этом путешествии, однако сочинение, известное как «Исэ ки» («Записи Исэ»), не сохранилось. Сохранились отдельные стихотворения и небольшие рассказы, включенные в ряд средневековых текстов, большинство – в текст «Фубоку вакасё» («Записки о японских песнях»)¹¹.

Неизвестно, чтобы Тёмэй участвовал в большом количестве турниров в 80-90-е годы. Ряд сведений имеется в «Мумёсё». Так, в сочинении говорится о турнире в святилище Камо, на этом турнире Камо-но Тёмэй прочел стихотворение, которое позже вошло в императорскую антологию «Синкокинсю» (№ 1894). Цудзи Кацуми предполагает, что турнир состоялся в 1186 году¹².

«Когда проходил поэтический турнир у Мицуюки [Минамото-но Мицуюки, 1163–1244] в святилище Камо, на тему о луне я сочинил так:

石川やせみのを川の清ければ月も流れを尋ねてぞ澄む
исикава я / сэми-но огава-но / киёкэрэба / цуки мо нагарэ-о / тадзу-
нэтэ дзо суму

У Исикава
Речка Сэмми
Так чиста,
Что и луна, там, в водах
Поселившись, ярко светит.

Судья Моромицу Ньюдо [Минамото-но Моромицу, 1131–1204] со словами: «Да есть ли такая река?», – присудил мне поражение. Я сочинял эту песню, все тщательно обдумывая, поэтому я засомневался: «На этот раз в судействе вообще много непонятного». Когда попросили Кэнсё Хоси заново оценить песни, он сказал:

«До меня никогда не доходили сведения о речке Сэми у Исикава. Однако продолжение интересное. Есть ли только такая речка? Решить можно, только расспросив местных жителей», – и не вынес никакого решения. Когда я после встретился с Кэнсё, я объяснил ему: «Это другое название реки Камогава. Об этом говорится в записях нашего святилища». Он обрадовался: «Умно я поступил, что не стал критиковать. Вообще-то я думал, разве могут существовать такие знаменитые места, сведения о которых не дошли даже до таких людей, как я, и уже собирався критиковать. Я хоть и не знал, кто поэт, но поскольку было видно, что форма стихотворения хороша, решил, что место не имеет значения. В этом преимущество старости!».

После, прослышав об этом случае, жрец Сукэканэ сильно меня ругал. «Такие песни следует читать в значительных случаях, на турнире при дворе, если присутствует император или главный министр. Жаль, что вы прочли на таком будничном турнире». Тем временем Таканобу Асон [Фудзивара-но Таканобу] написал об этой речке, еще Кэнсё Хоси на турнире ста стихотворений в доме Левого генерала¹³, прочел об этом. Сукэканэ сказал: «Ну вот, хотя это и была замечательная песня, но в будущем, кто был первым, люди уж точно знать не будут. Все перепутается». В его словах был глубокий смысл, однако, когда составляли «Синкокинсю», туда вошло моё стихотворение. Были люди, которые сказали: «Об этом обычно не знают». Всего в это собрание вошло десять моих стихотворений. Это такая слава, которой я не достоин, но то, что вошло это стихотворение, радует меня так, что, кажется, хватит и на следующую жизнь. Впрочем, все это суета сует.

В 1191 г. Тёмэй принял участие в поэтическом турнире в святилище Вакамия «Вакамияся утаавасэ» («Поэтический турнир в святилище Вакамия»). В турнире участвовали 32 поэта, судьей был Кэнсё. Камо-но Тёмэй выступил с тремя песнями в десятом раунде. Ему противостояла поэтесса Дзидзю (Кодзидзю, 1121?–1202?). Три песни были написаны на три разные темы. Из трех стихотворений Камо-но Тёмэй одно было названо равным со стихотворением соперницы, две песни победили.

На тему «цветы сливы сквозь сосну» Камо-но Тёмэй сочинил такую песню (эта песня победила песню соперницы).

枝かはす梅の匂ひにおのづから松吹く風も春めきにけり
эда кавасу / умэ-но ниохи-ни / онодзукара / мацу фуку кадзэ мо / ха-
румэкиникэри

¹³ Имеется в виду поэтический турнир «Роппякубан утаавасэ».

¹⁰ Записки из кельи. Перевод Н. И. Конрада. – В кн. Исэ моногатари. М., «Наука», 1979, с. 221.

¹¹ Стихотворный сборник, составленный, как считается, в начале XIV в. См.: Earl Miner, Hiroko Odagiri. And Robert E. Morrell. The Princeton Companion to Classical Japanese Literature. Princeton University Press, Princeton, N. J., 1985, p. 148.

¹² Цудзи Кацуми. Камо-но Тёмэй-но вака: утаавасэ, утакай сюцзэй-но сюсэй. (Поэзия Камо-но Тёмэй: собрание песен, сочиненных для поэтических турниров и поэтических собраний) // Нихон дайгаку кэнкю киё. Бунригаку бу, дзинбун кагаку кэнкюдзё. 1997, № 54, с. 19–28.

Смешались ветви,
И от аромата слив
Нежданно
Ветер в соснах
Стал весенним.

В 80-х годах составлялась очередная, седьмая императорская антология. Ее составителем был назначен Тосинари. Тосинари получил приказ о создании антологии в 1183 году. Время в стране было неспокойное. В это время борьба между Тайра и Минамото вошла в свою вооруженную стадию. Война, известная теперь как война Гэмтэй (Минамото-Тайра) завершилась в 1185 году победой Минамото и установлением нового порядка – камакурского сёгуната, первым сёгуном стал Минамото-но Ёритомо (1147–1199). Работа над антологией была закончена в 1188 году.

Тосинари включил в антологию одно стихотворение Камо-но Тёмэй («Сэндзайсю», 936):

思ひあまりうち寝る宵のまぼろしも浪路を分けて行きかよひけり
омохи амари / утинуру ёи-но / мабороси мо / намидзи-о вакэтэ /
икикаёхикэри

В неизбывной любви,
В глубоком ночном сне
Мой дух,
Преодолев дорогу по волнам
К тебе приходит и приходит.

Стихотворение отсылает к стихотворению Бо Цзюй-и «Песня долгой печали», рассказывающей о красавице Ян Гуй-фэй.

«В “Сэндзайсю” было включено одно мое стихотворение. «За мной нет многих поколений предков, которые сочиняли бы стихи, да и сам я не такой уж выдающийся поэт. Да и обстоятельства таковы, что меня не признают первоклассным поэтом. Так что включение даже одного стихотворения – честь для меня», – радовался я. Покойный Тикусю (Накахара Ариясу. – М.Т.) это услышал. «Я-то думал, что вы говорите об этом с иронией, но вы повторили много раз. Вы, правда, так думаете? Если так, то вас обязательно ждет милость богов на этом Пути. Потому что именно это и есть истинное понимание Пути. Теперь людей, думающих в подобном роде, мало, так что это следует ценить. Если посмотреть это собрание, много случаев, когда включены десять, семь, восемь, четыре, пять стихотворений людей, того вовсе недостойных. Можно представить, как вам делается неприятно, когда вы видите это, а вы, напротив того, радуетесь, это замечательно. Когда уважаешь Путь, это, прежде всего, делает прекрасным сердце. В

наше время почти нет таких людей. Люди не знают сами себя, они высокомерны и спесивы, крикливы и гневливы, ну, а как доходит до дела – просчетов множество. Попомните мои слова», – вот что он сказал. И правда, на этом Пути милость богов была большей, чем я заслужил. То, что говорят старики, всегда имеет основание».

Рубеж XII и XIII вв. – время составления «Синкокинсю», восьмой императорской антологии. Задумав новое императорское собрание экс-император Готоба-ин (1180–1239, годы правления 1183–1198) начал обширную подготовительную работу, став инициатором множества поэтических событий. Подсчитано, что приблизительно 20% поэзии «Синкокинсю» – это те произведения, которые были прочитаны на различного рода поэтических собраниях и турнирах с 1200 по 1207 год¹⁴.

К концу 90-х положение Камо-но Тёмэй в поэтическом мире было несравнимо более высоким, чем во время составления «Сэндзайсю», а самое начало XIII века – время его наибольшей поэтической активности.

В 1200 году важнейшим поэтическим мероприятием, проведенным Готоба-ин, было составление поэтического сборника, в который входили по 100 стихотворений, написанных каждым из приглашенных поэтов¹⁵. Объединенный сборник назывался «Готоба-ин сёдо хякусю» («Первое собрание ста стихотворений времен Готоба-ин»). Это был амбициозный проект. Участвовали 23 поэта. Моделью для составления такого сборника послужил построенный по тому же принципу сборник «Хорикава хякусю (Хорикава онтоки хякусю вака – «Сто японских песен времён императора Хорикава»), который был составлен без малого за сто лет до проекта Готоба-ин, в 1105 году.

Камо-но Тёмэй участвовал в этом проекте, в ее «второй очереди», собрание называлось «Сёдзи нинэн дайнидо хякусю» («Второе собрание ста стихотворений второго года Сёдзи»). Эта вторая часть не была столь масштабной, как первая. Число участников было в два раза меньшим: участвовали 11 поэтов, среди которых был и сам Готоба-ин.

В 1201 году началась работа над императорской антологией. Для ее составления Готоба-ин восстановил работу Ведомства поэзии (*Вакадо-коро*)¹⁶. Для службы в ведомстве были приглашены 11 человек: Фудзивара-но Ёсицунэ (1169–1206), Минамото-но Мититика (1149–1202), Минамото-но Мититомо (1171–1227), Дзиэн (1155–1225), Фудзивара-но Садаизэ, Фудзивара-но Ариизэ (1155–1216), Фудзивара-но Иэтака (1158–1137), Асукаи-но Масацунэ (1170–1221), Фудзивара-но Тосинари, Минамото-но Томотика (годы жизни неизвестны), Дзякурэн.

¹⁴ Robert N. Huey. The Making of Shinkokinshu. Harvard University Asian Center, 2002, p. 4.

¹⁵ Об этом собрании см.: Robert H. Brower. Fujiwara Teika's Hundred-Poem Sequence of the Shōji Era. // Monumenta Nipponica. Vol. 31, № 3 (1976), pp. 223–249.

¹⁶ Ведомство поэзии было создано в 951 г., позже его работа была прервана.

Чуть позже последовало приглашение еще троим, это были Фудзивара-но Таканобу, Фудзивара-но Хидэеси (1184–1240) и Камо-но Тёмэй.

Таким образом, над составлением этой антологии работал довольно большой коллектив поэтов¹⁷. Экс-император имел перед собой, безусловно, не только поэтическую, но и политическую цель – консолидации придворного общества для возможного противостояния сёгунату, поэтому он и пригласил для работы в Ведомстве представителей обеих главных противоборствующих школ, также как и поэтов, ни в какую школу не входящих.

Камо-но Тёмэй по-прежнему имел самый низкий для придворного ранг, что, конечно, сказывалось на его положении (на турнирах он сидел на местах, специально отведенных для людей низкого ранга). Известна запись в дневнике Садаиэ за 16 день 3 луны 1201 года о том, что, похоже, Тёмэй – человек такого низкого происхождения, что хочется к нему относиться не как к человеку пятого ранга, а как к человеку шестого ранга (человек шестого ранга не мог быть придворным). Однако, Готоба-ин, видимо, благоволил Камо-но Тёмэй.

Камо-но Тёмэй относился с большим энтузиазмом к тем поэтическим мероприятиям, в которых принимал участие.

«Однако, когда я по долгу службы бывал на поэтических турнирах Его величества, каждый из участников читал только такие стихи, каких мне никогда не сочинить, и я с благоговением думал, что это Путь, не знающий быстротечного времени и ничем не ограниченный», – пишет Камо-но Тёмэй в «Мумёсё».

За четыре года, с 1200-го по 1203-й, Камо-но Тёмэй принял участи в более чем 15 поэтических турнирах.

Вот рассказ об одном из турниров 1200 года. Рассказ следует за известной поэтической легендой – о колодце Эноха.

«Один человек рассказал.

«Министр двора Ариката Асон [Минамото-но Ариката, 1070–1139] как-то отправился в сопровождении семи-восьми придворных развлечься в Кадзураги в провинцию Ямато. И вот в каком-то месте они увидели что-то вроде заброшенного большого храма. Странно, что хотя они спрашивали каждого встречного о его названии, никто не знал. Через некоторое время они увидели старика с совершенно седой головой. Подумав, что такой им как раз и нужен, спросили и его. “Этот храм называется Тоёрадэра”, – был ответ. Все один за другим с чувством говорили: “Как это прекрасно!”. “Тогда, возможно, где-то рядом находится и колодец Эноха?”, – спросили его. “Он совсем высох, но следы есть и сейчас”, – ответил старик. Когда он им показал совсем недалеко

к западу от храма это место, все пришли в восторг, тут же собрались в круг и с десятков раз спели песню *Кадзураги*¹⁸. Старику подарили одежду, сняв с себя, он был рад этой неожиданной встрече и почтительно удалился».

В недавнем прошлом в доме Внутреннего министра Цутимикадо [Минамото-но Мититика, 1149–1202] ежемесячно проводились собрания с подношением *эйгу*, бывало, что и император [Готоба-ин] скрытно приходил туда. На одном таком собрании на тему «месяц и старый храм» было сложено:

古りにける豊等の寺の榎葉井になほ白玉を残す月影
фуруникэру / тоёра-но тэра-но / эноха и-ни / нао сиратама-о / но-
косуцуки кагэ¹⁹

В Тоёра-храме
Обветшал
Колодец Эноха,
Остался лунный отсвет –
Словно жемчуг.

Годзё Самми Ньюдо [Тосинари], услышав это, сказал: «Сочинено с чувством. Я и сам в подходящем случае думал использовать этот образ, жаль, что меня опередили», – он был очень тронут. Эти строки из народной песни *сайбара*, хоть они всем известны, до этого никто не использовал в песнях-ута. После, кажется, они были использованы в стихотворении Рэйдзэй Тюдзё Садаиэ.

Одним из самых удачных для Тёмэй был турнир «Сэн утаава-сэ» («Турнир отобранных стихотворений») состоявшийся в 15-й день 8-й луны начального года Кэннин (1201). В турнире участвовали 25 человек, включая самого экс-императора Готоба-ин. Судьей турнира был Фудзивара-но Тосинари (к этому времени он уже давно был монахом и обозначался монашеским именем Сякуа). Все темы турнира связаны с луной. В турнире участвовали четыре песни Камо-но Тёмэй: в 12-м раунде против песни поэтессы Кодзидзю, в 21-м – против песни поэтессы Нидзёин-но Сануки, в 29-м – против песни Минамото-но Томотика, в 35-м раунде соперником Камо-но Тёмэй был Фудзивара-но Садаиэ. Все четыре песни Камо-но Тёмэй были объявлены победившими, три из них вошли в «Синкокинсю» (№№ 397, 401 и 1521).

397

Осенний вечер при луне.

¹⁷ Составителями антологии были назначены Садаиэ, Ариэ, Иэтака, Дзякурэн, Мититомо и Масацунэ.

¹⁸ Песня относится к жанру *сайбара* – старинным песням на музыку китайского происхождения, характерным для периодов Нара и в начале эпохи Хэйан.

¹⁹ Песня Камо-но Тёмэй помещена в сборнике «Фубокусё».

ながむれば千々にもの思ふ月にまたわが身ひとつの峰の松風
нагамурэба / тидзи-ни моно омоу / цуки-ни мата / вага ми хитоцу-
но / минэ-но акикадэ

Посмотришь,
Тысячи печальных мыслей навевает
Луна,
А к ней вдобавок ветер в горных соснах
У одинокого жилища моего.

401

На поэтическом турнире в пятнадцатую ночь восьмой луны на тему
«Осенняя луна и море».

松島や潮くむ海人の秋の袖月はもの思ふならひのみかは
мацусима я / сиюкуму ама-но / аки-но содэ / цуки ва моно омоу / на-
раи номи кав

В заливе Мацусима
Отражается осенняя луна
На рукавах рыбацек.
Считал я, лишь печаль тому причиной,
Но здесь не так.

1521

Песня с поэтического турнира в Ведомстве поэзии на тему «Луна в
горах на рассвете».

夜もすがらひとりみ山の真木の葉にくもるもすめる有明の月
ё мо сугара / хитори мияма-но / маки-но ха-ни / кумору мо сумэру /
арикаэ-но цуки

Ночь долгую
Один, в горах, я сквозь деревья
Кроны
Луну лишь смутно видел.
А на рассвете – светлая луна.

Турнир «Сантай вака» («Японские песни трёх стилей») состоялся в
21-й день 3-й луны второго года Кэнин (1202). Перед участниками турнира
стояла задача – сочинить песни в разных стилях. В истории японской
поэзии этот турнир считается показательным для понимания стилей
поэзии, характерных для «Синкокинсю». Названия стилей, в которых
следовало сочинять песни, различаются в сочинениях и стихотворных
сборниках участников этого события. Кроме «Мумёсё» названия сти-
лей, в которых следовало сочинять песни, есть в дневнике Садаиэ
«Майгэцуки», в собрании песен Готоба-ин «Готоба-ин гёсю», собрании
«Акисино гёссэйсю» Фудзивара-но Ёсичунэ, собрании Фудзивара-но
Иэтака «Минисю». Песни весны и лета, названные Камо-но Тёмэй фу-

току ооки (тяжелые и большие, тяжеловесные и торжественные) названы:
у Садаиэ оо-ни футоки ута (торжественные и тяжеловесные), у Готоба-
ин котай (высокого стиля), у Ёсичунэ – кока (высокие песни), у Иэтака
такэтакаки ё (возвышенного стиля); осень и зима названы у Камо-но
Тёмэй – хосоку караби тонкими и сухими (тонкими и сдержанными,
лаконичными), у других авторов: Садаиэ – караби (сухие), Готоба-ин –
сотай (тонкого стиля), Ёсичунэ – сока (тонкие песни), Иэтака – усин ё
(стиля усин); любовь и путешествия у Камо-но Тёмэй – эн-ни ясакику
(изящные и нежные) названы у других авторов Садаиэ – энтай (изящ-
ный стиль), Готоба-ин – энтай (изящный стиль), Ёсичунэ – энка
(изящные песни), Иэтака – югэн ё (стиля югэн)²⁰.

«В те времена, когда я проводил целые дни во дворце государя,
проводился поэтический турнир, редкий, отличающийся от обычных.
“В шести песнях употребите все стили”, – так было сказано. “Сделайте
так: весна и лето – тяжелые и торжественные, осень и зима – тонкие и
сдержанные, любовь и путешествия – изящные и нежные. Если, по ва-
шему мнению, вам так не сочинить, тут же сразу об этом заявите. Это
для того, чтобы посмотреть, как вы разбираетесь в стилях поэзии”. Это
было очень сложное дело, и некоторые не стали сочинять. Люди же
недостойные с самого начала приглашены не были. В результате, в
этом собрании участвовали всего лишь шесть человек: Доно [Фудзива-
ра-но Ёсичунэ], Ососэй Гобо [Дзиэн], Садаиэ [Фудзивара-но Садаиэ],
Иэтака [Фудзивара-но Иэтака], Дзякурэн и я²¹. Как тяжелые и торжест-
венные песни, я сочинил такие:

雲さそふあまつ春風かをるなり高間の山のはなさかりかも
кумо сасоу / амацу хару кадзэ / каору нари / такама-но яма-но / ха-
надзакари камо

Облака собирающий
Весенний ветер
Благоухает.
Это в горах Высокого Неба
Вишни в цвету.

打はぶき今も鳴かん時鳥卵の花月よさかり更け行く
ути хабуки / има мо наканан / хототогису / унохана цуки ё / сакари
фукэ юку

Когда б взмахнула крыльями
И тотчас голос подала
Кукушка!

²⁰ См.: Roselee Bundy. Santai Waka.Six Poems in Three Modes/ Monumenta Nipponica. Vol. 49,
№ 2 (1994), pp. 197–227.

²¹ В турнире также участвовал Готоба-ин.

Ночь месяца Унохана
К рассвету движется.

Песни тонкие и сдержанные.

宵の間の月の桂の薄紅葉照るとしもなき初秋の空
ёи-но ма-но / цуки-но кацура-но / усу момидзи / тэру тосимо наки /
хацуаки-но сора

В сумерках
Лунного дерева кацура²²
Бледные осенние листья
Не сверкают.
Небо начало осени.

寂しさは猶残りけり跡絶ゆる落葉が上に今朝は初雪
сабисиса ва / нао нокорикэри / ато таюру / отиба га уэ-ни / кэса-но
хацуюки

Одиночество
Одно осталось.
Следы исчезли,
На листья облетевшие
Лег этим утром первый снег.

Изящные и нежные песни.

忍ばずよ絞りかねつと語れ人もの思ふ袖の朽ち果てぬ間に
синобадзу ё / сибори канэцу то / катарэ хито / моно омоу содэ-но /
кутихатэну ма-ни

Невыносимо.
Отжимать не в силах.
Скажите ей,
Что я люблю,
Пока что не истлели рукава²³.

旅衣立つ暁の別れよりしほれし果や宮城野の露
табигоромо / тацу акацуки-но / вакарэ-ёри / сиорэси хатэ я / мия-
гино-но цую

Дорожное платье,
Как занялась заря,
И мы расстались,
Все не сохнет.
Роса в Миягино.

²² По китайской легенде дерево *кацура* растет на Луне.

²³ У переводчиков нет единого мнения, написано ли это стихотворение от лица женщины или мужчины.

Среди прочих, я сочинил много песен о весне, когда я показал их Дзякурэн Нюдо, про песню «Высокое небо» он сказал – «хорошо», наши точки зрения совпали, поэтому я ее и представил. И вот, во время собрания, когда ее слушали, оказалось, что она очень похожа на песню самого Нюдо, в которой говорилось тоже о цветах Высокого неба. Ему и в голову не пришло попросить меня заменить ее, раз она походила на его песню, а оценил, как было, это говорит о его поистине благородном сердце. Вообще-то, на самом деле по натуре, его не назовешь покладистым человеком, но когда дело касается избранного им Пути, тут и нрав улучшается.

Когда-то для поэтического собрания с подношением цветов изображению Будды у Сэньё Монъин на тему «Долгая летняя любовь» я сочинил: *угоки наки ё-но / яма то надэсико* (неподвижны в мире горы и гвоздики – неизменны милые девушки Ямато)²⁴. Один Мастер посмотрел заранее и настоятельно потребовал: «Это похоже на мою песню. Представьте другую!», – делать нечего, на том турнире я представил другую. Было очень обидно.

С самого начала мне хотелось прославить достоинства других людей, поэтому немного странно, что я так длинно-предлинно пишу о случае, который принес почет мне самому, однако, много самопрославления, может, и не помешает этим запискам».

Камо-но Тёмэй вошел в высший придворный круг. Как тут не вспомнить наставления Ариясу! Садаиэ записывает в своем дневнике «Мэйгэцуки», как в 24-й день 2-й луны (запись относится к 1203 г.) состоялось любование вишней, в котором участвовали он, Иэтака, Масацунэ и Тёмэй. От прогулки у Садаиэ остались самые приятные впечатления. Участники сочиняли *вака* и *рэнга*, срывали ветки вишен, чтобы соединить их со своими стихами. Затем музицировали. Масацунэ играл на флейте-*хитирики*, Изгнага и Тёмэй – на флейтах-*фуэ*. Садаиэ пишет, что, узнав на следующий день об этой прогулке, экс-император захотел также устроить что-то подобное. В этом мероприятии Тёмэй также участвовал, вместе с другими сочинял песни, сидя под цветущими вишнями. Несмотря на свой низкий придворный ранг, он участвовал во всех мероприятиях наравне с аристократами и снискал дружбу экс-императора.

В 1204 г. (точная дата остается под вопросом) вакантным оказалось место жреца святилища Каваи. Видимо, Готоба-ин всячески старался помочь Камо-но Тёмэй получить это место. Однако Сукэканэ (тот самый, что был недоволен, когда Тёмэй прочел замечательную песню на

²⁴ Полный текст этого стихотворения Камо-но Тёмэй неизвестен.

не самом престижном турнире), унаследовавший пост главного жреца Нижнего святилища Камо, настоял, чтобы эта должность была отдана его сыну Сукэёри. Сукэёри был много моложе Тёмэй, при этом его ранг был пятым верхней ступени, т. е. выше, чем ранг Тёмэй. Экс-император тогда предпринял попытку повысить статус другого святилища, входившего в состав святилищ Камо, и назначить Камо-но Тёмэй на должность там, однако Тёмэй не стал дожидаться решения этого вопроса, он ушел в монахи, чтобы жить жизнью отшельника.

Этот момент биографии Камо-но Тёмэй привлек внимание современников, много пишут о нем и нынешние исследователи. Камо-но Тёмэй добился карьерных успехов, завоевал дружбу экс-императора, мог получить место, равное тому, которого добивался, но предпочел покинуть суетный мир. Возможно, для Тёмэй было важным стать жрецом именно святилища Кавай, потому что это было бы возвращением к детским воспоминаниям, к тому далекому времени, когда был жив отец, когда все было впереди.

Уход Тёмэй выглядел театрально: он пропал, и никто не знал, где он. Достаточно подробные сведения об этом оставил в своем дневнике Минамото-но Иэнага. Он в частности пишет: «Потом Тёмэй отрекся от мира, это казалось необычным. Он не сообщил, где находится, но через некоторое время во дворце неожиданно были получены 15 песен»²⁵.

В сборнике рассказов-*сэцува* «Дзиккинсё» (1252) говорится: «Не так давно в семье жрецов святилища Камо был человек по имени Кикудайфу Тёмэй. Он был известен на стезе поэзии и музыки. Он искал службы в святилище, но, не добившись ее, чувствуя горечь мира, ушел в монахи ...»²⁶.

Вряд ли неудача с получением места в святилище была причиной ухода в монахи, скорее можно видеть здесь толчок к принятию решения, тоска по знакомому с детства миру чувствуется и в стихах. В «Синкокинсю» помещено такое стихотворение:

1776

Не имея возможности осуществить своё желание и быть среди слушателей святилища, затворился, и вот, глядя на цветы мальвы, сложил.

見ればまづいとど涙ぞもろかつらひかに契りてかけ離れけむ
мирэба мадзу / итодо намида дзо / морокадзура / икани тигиритэ /
какэханарэкэму

Взглянуть

Я не успел, а слёзы льют.

Багряник с мальвою...

²⁵ Минамото-но Иэнага ники дзэн тюкай. Ком. Исида Ёсисада и Сацукава Сюдзи. Токио: Юсэйто, 1968, с. 109–110.

²⁶ Дзиккинсё. Ком. Асами Кадзухико. Токио: Когакан, 1997, с. 380–381. Серия Симпан Нихон котэн бунгаку дзэнсю, т. 51.

Причина в чем
Что так я далеко?

Видимо, Камо-но Тёмэй не сразу принял постриг. В 1205 году он принял участие еще в одном, тоже не совсем обычном турнире – «Гэнкю сиика авасэ» («Сравнение китайских стихотворений и японских песен годов Гэнкю»), который состоялся в 15-й день 6-й луны во дворце Готоба-ин. В записях этого турнира Тёмэй значится под своим мирским именем, а не под монашеским – Рэнъин.

Сначала предполагалось, что данный турнир будет частной инициативой Фудзивара-но Ёсичунэ. Ёсичунэ попросил Фудзивара-но Садаиэ придумать темы и предложить участников турнира. Когда Готоба-ин узнал о готовящемся турнире, он выразил желание в нем участвовать, а вскоре стал контролировать подготовку к турниру. В связи с участием Готоба-ин был назначен более поздний срок проведения турнира, а место перенесено во дворец экс-императора. Левая команда, возглавляемая Ёсичунэ, сочиняла китайские стихотворения. Правая, в которую входил и Камо-но Тёмэй, сочиняла японские песни. Тем было две «Весенние желания у воды» и «Осенний путь горными тропами» (эти темы были предложены Садаиэ, который от участия в турнире уклонился). В каждом раунде в парах противостояли стихотворения одних и тех же поэтов. Каждый из поэтов-участников представил четыре произведения. Данных о том, кто был судьей (или судьями) турнира не сохранилось. В турнире приняли участи 38 поэтов, состоял турнир из 76 раундов. Против Камо-но Тёмэй выступал Фудзивара-но Таканори (1158–1233), известный поэт и ученый, глава Дайгакурё. 8 японских песен, прочитанных на этом турнире, вошли в «Синкокинсю», среди них одна песня Камо-но Тёмэй («Синкокинсю» 983).

983

Когда сравнивали китайские стихи и песни, на тему «Осенний путь горными тропами»²⁷.

袖にしも月かかれとは契りおかず涙は知るや宇津の山越え
содэ-ни симо / цуки какарэ то ва / тигири окадзу / намида ва сину я
/ уцу-но ямагоэ

Непрошено

На рукаве моем сверкает

Лунный свет.

Должно быть, слёзы?

В печали Уцу перевал.

²⁷ Предисловие вводит два стихотворения на одну и ту же тему, прочитанные на турнире «Гэнкю сиика авасэ» – стихотворения 982 (Фудзивара-но Тэйка) и 983. Соответственно, стоит перед стихотворением 982.

Камо-но Тёмэй не участвовал в официальном банкете по случаю составления «Синкокинсю», который состоялся в 1205 г. Впрочем, в действительности редакция антологии, включение и исключение стихотворений, продолжались еще несколько лет. В «Синкокинсю» включены 10 песен Камо-но Тёмэй.

В воздухе японского литературного мира всегда носилось множество легенд. Существует и легенда о включении песен Камо-но Тёмэй в «Синкокинсю», она записана в сочинении эпохи Муромати «Кэнсай дзодан» («Разговоры с Кэнсай»):

«Когда отбирали стихотворения для «Синкокинсю», разные придворные представили личные сборники, состоявшие из 500, а то и 1000 стихотворений для рассмотрения. Камо-но Тёмэй, однако, представил всего 12 стихотворений, и все они без исключения были включены в антологию. Так мне рассказывали»²⁸.

Став монахом, Камо-но Тёмэй провел пять лет в Охара, у подножья горы Хиэй, затем перебрался в Хино, горную деревушку в семи километрах к юго-востоку от столицы.

Осенью 1211 г. Камо-но Тёмэй совершил путешествие в Камакура, в ставку сёгуна. Спутником Камо-но Тёмэй был Масацунэ. Как и было положено, по дороге поэты сочиняли стихотворения. В Камакура поэты встречались с молодым сёгуном Минамото-но Санэтомо (1192–1219, стал сёгуном в 1203 г.). Санэтомо увлекался поэзией, его учителем был Фудзивара-но Садаиэ. Однако Санэтомо и Садаиэ не встречались, это были учитель и ученик «по переписке». Именно этому обстоятельству мы обязаны трактатом «Майгэцусё», который является письмом Садаиэ к Санэтомо. Камо-но Тёмэй и Масацунэ, видимо, были первыми из знаменитых поэтов, с кем встретился сёгун. Интересно, что Камо-но Тёмэй ничего не упоминает об этом путешествии в «Ходзёки».

«Адзума кагами» («Зерцало Адзума», ок. 1300) – единственный источник, рассказывающий об этом событии. Этот памятник сохранил для нас и стихотворение Камо-но Тёмэй, написанное в память сёгуна Ёритомо.

草も木も靡きし秋の霜消えて空しき苔を拂ふ山風

куса мо ко мо / набикиси аки-но / симо кидэ / мунасики кокэ-о / ха-
рафу ямакадэ

Травы и деревья
Сгибающий осенний
Иней тает,
И только мох-тщету,
Сметает горный ветер.

Ёритомо, самый могущественный в свое время воин, сёгун, враги сгибались перед ним, как травы и деревья, теперь в могиле, поросшей мхом. Ничто не вечно. Стихотворение очень созвучно «Ходзёки», запискам, которые Камо-но Тёмэй напишет в следующем году.

По подсчетам Янасэ Кадзуо, поэтическое наследие Камо-но Тёмэй составляет около 340 стихотворений. Немного позже «Ходзёки» и «Мумёсё», вероятно в 1214 г. он составил сборник буддийских рассказов-сэцува «Хоссинсю» («Собрание рассказов о духовном пробуждении»).

В «Ходзёки» Тёмэй, описывая своё жилище в Хино, говорит, что он: «Над северной перегородкой устроил маленькую полку и поставил там три или четыре шкатулочки плетеных из черной кожи; вложил туда собрание стихов, музыкальных пьес, сборник Одзёсю, а подле поставил по инструменту – кото и бива»²⁹.

Сборник стихов сопровождал Тёмэй и в Хино, а вот писал ли он еще стихи – неизвестно.

²⁸ Цит. по: Steven D. Carter. Chats with Master: Selections from “Kensai Zodan” // Monumenta Nipponica. Vol.56, № 3 (2001), p. 311. Вариант «Синкокинсю», в который входило бы 12 стихотворений Камо-но Тёмэй, не известен.

²⁹ Записки из кельи. Перевод Н. И. Конрада // Исэ моногатари. М.: Наука, 1979, с. 222.